

УДК 316.346.2-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.111–123

Религиозность «новой советской женщины» в 1920-х гг.: практики и механизмы регулирования¹

К.П. Ермоченко

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Советскую Россию можно по праву считать одной из первых стран в европейском пространстве, которая смогла дать женщине право голоса, официально провозгласив равенство полов. Для того, чтобы решить поставленные большевистским государством в 1920-х гг. задачи по обновлению общества, одной из основных идей которого выступала концепция «нового человека», необходимо было избавиться от сильного влияния обязательной и неизменяемой истины, утвержденной церковью. Религиозность женщины советского государства, как одной из наиболее подверженных влиянию церкви категории населения, оказалась в фокусе пристального внимания нового руководства страны. Оно ставило перед собой задачу бесповоротной трансформации женского религиозного сознания в сторону общественных начал. В данной статье представлен анализ этапов и форм изменения религиозности женщины советского государства в 1920-х гг., выявлены основные механизмы и регуляторы, оказавшие влияние на религиозное состояние женщины, которая была вынуждена стать «новой советской женщиной». Автор попытался определить способ перенесения мужской традиционно-стереотипной поведенческой модели с приоритетом общественного блага, трудовыми показателями и коллективизмом на женское сознание.

Ключевые слова: советское государство, женщина, «новая советская женщина», церковь, религия, религиозность, антирелигиозная пропаганда.

Введение. Ещё до прихода к власти большевиков и начала коренного переустройства общества, в 1905 г. В.И. Ленин в одной из своих статей открыто говорил о необходимости изменений в церковно-государственных отношениях. Их основу составляли положения материалистического мировоззрения, а также сам процесс постепенного встраивания в сознание «нового человека» атеистического элемента, который смог бы найти своё выражение в антирелигиозной агитации, выступающей одним из главнейших направлений будущего политического режима.

¹ Научный руководитель: канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета М.В. Каиль.

Строительство «новой жизни» в молодом советском государстве стало возможно благодаря череде «экспериментов» власти, которые, не всегда даже целенаправленно, перекраивали традиционный уклад «добольшевистского» человека. В ходе этого менялся его облик, поведение, трансформировалось сознание, претерпевало изменение его отношение к власти и социальным институтам, в частности, к церкви. В это время на фоне целого ряда декретов и постановлений советского государства («Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», вступил в силу 23 января 1918 г.), начался процесс формирования новых идеологических конструктов, которые были связаны с глубинными изменениями патриархальных основ.

Советский режим с первых дней существования был неразрывно связан с целенаправленной работой большевистских агитаторов. Они прилагали максимум усилий для пропаганды изменения повседневного быта, норм поведения, а также общественной морали, которая в первые годы существования советской власти шла вразрез с основными задачами нового политического режима и мало коррелировала с той действительностью, в которую был целенаправленно вброшен человек².

В фокусе приложения основных социоконструирующих сил советского режима в большей степени оказалась женская аудитория, кардинальная перестройка религиозности и социальных кодов поведения которой стали приоритетной задачей большевистской власти³.

В историческом развитии «женского вопроса», переломными являются события октября 1917 г., когда после свержения Временного правительства к власти пришли большевики. Ими сразу же были определены основные задачи, которые должно было решить «молодое государство» в скорейшее время. Одной из них стала проблема выработки механизмов строительства «новой жизни», которое требовало законодательного выражения⁴.

В это время в общественном сознании, конечно же, руководством страны формируются процессы, связанные с конструированием образа «новой советской женщины» как ролевой модели «истинной» женщины советской. Самостоятельность, самодостаточность и независимость от мужчины становятся социальной основой «нового» в советской женщине.

Религиозность советской женщины на пороге изменений. Религиозность «новой женщины», её отношение к сакральному претерпевают карди-

² Белова Т.П. Женское православное общественное движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 100–107.

³ Козлов Ф.Н. «Женский вопрос» как элемент социальной политики советского государства в 1920-е – первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 29–37.

⁴ Илатова Л. Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина. М., 2004. С. 153–189.

нальные изменения, которые определяют целиком вектор сознательного религиозного поведения советской женщины. В связи с этим, необходимо определить, как фокус женского служения церкви постепенно начал смещаться на «реальные проблемы»⁵ её социальной жизни. Вопрос места женщины в обществе, культуре даже сегодня не утратил своей актуальности. В современном мире прослеживается явная тенденция постепенного отказа в принятии религиозных норм поведения. Он существует параллельно с непринятием возможного решения проблем социальной реальности, основываясь на религиозных сакральных представлениях и идеалах. В этом отношении, для нас 1920-е гг. являются переломно-критическим временем религиозного поиска, когда советский человек был вынужден незамедлительно реагировать на идеологическое содержание большевистского государственного волевого процесса.

В Советской России 1920-е гг. стали важным этапом, определившим положение и роль женщины в обществе. Это стало возможно в условиях марксистского феминизма, который смог приобрести свою социальную сознательную форму для постоянного существования. На основе комплекса взаимосвязанных мер и программ советской власти, ориентированных на необходимость пробудить «дремлющее» женское сознание, властными структурами выработывалась определённая стратегия, нацеленная на процесс общественно-политической включенности женщины в круговорот большевистских процессов и преобразований⁶.

Вопросу места «новой женщины» в церкви, трансформации её религиозности посвящены работы А.Р. Кныш, С.А. Смагиной, Т.П. Беловой, М.В. Васехи⁷. Авторы анализируют отдельные аспекты комплексной послереволюционной советской политики по «раскрепощению женщин», определяют новые корреляции между гендером и верой в первые десятилетия советской власти (П. Херлингер). Также отдельно следует указать на работы ранних советских идеологов (А.М. Коллонтай⁸, Н.К. Крупская⁹, Л.Н. Сталь¹⁰).

Советское государство ставило перед собой важную задачу: попытаться «перекроить» женское сознание, настроив его по модели мужской религиозности. Государство осознавало, что «новая женщина» будет

⁵ Смагина С.А. «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. 2019. С. 257–266.

⁶ Юкина И.И. Проблемы становления российской истории женщин // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.

⁷ Васеха М.В. Антирелигиозная работа с женщинами в 1920-е годы и процессы феминизации Русской православной церкви (на сибирских материалах) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33).

⁸ Коллонтай А.М. // Рабочий суд. 1926. № 5. С. 366.

⁹ Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.-Л., 1929. 68 с.

¹⁰ Сталь Л.Н. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.; Л., 1926.

противиться процессу её безоговорочного принятия. Но советскому руководству в условиях строительства «нового общества» было достаточно той степени религиозности, которой обладали на тот момент мужчины. Их отношение к церкви, вере и религиозным таинствам не противоречило целям советской власти.

Основной точечный «идеологический удар» был нанесён формирующемуся конструкту «новой советской женщины», основанному на представлении о её неправильном и ущемлённом месте в обществе. В этой связи многие составители методических пособий по работе с женщинами часто призывали опираться на «несправедливое» её положение в христианстве. На первом месте стояла выигрышная идея, по мнению советских идеологов, о вековом закабалении женщины религией. Доказательством этой основополагающей «христианской» мысли выступали слова и речи святых, например, апостола Павла: «Женщина – сосуд скудельный» и Святого Антония: «Женщина – начало всякого преступления и орудие дьявола». Предлагались также вырванные из контекста слова: «Когда вы увидите женщину, то считайте, что перед вами не человеческое существо, а сам дьявол»¹¹.

Вся эта работа по снижению религиозности «новой женщины» как бы должна сводиться к «рабским» поговоркам: «Люби жену, как душу, трясги ее как грушу» и «бей бабу молотом, она будет золотом». Не зря в народных русских песнях так много поется о тяжелой женской доле: «Распроклятое ты наше житье женское, Распроклятое бабье житье»¹².

Многие авторы неоднозначно определяли проявление религиозности как отражение религии, веры в Бога и поклонение ему в сознании человека и его поступках (И.Н. Яблоков, Р.А. Лопаткина)¹³. Для изменения основ религиозного сознания человеку нужны очень весомые преобразования в той среде, в которой он обитает. Такой средой для женщины стало молодое советское государство, в котором патриархальные основы находились в состоянии явного колебания и ждали изменений. Советская власть запустила процесс возможного сознательного перенесения мужских кодов поведения на женщину, которые впоследствии должны были стать основой её поведенческой модели. Но это не означало, что женщины были готовы полностью принять мужской образец религиозности.

Это «новое сознательное поведение» очень сильно отличалось от мужского наличием сакрального, потому что отношение мужчины и женщины в рассматриваемый период к церкви, святым, обрядности было раз-

¹¹ Васеха М.В. Указ. соч.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Краснова А.Г. Понятие религиозности: религиоведение vs религиозная философия // «Образ» религии: религиозное образование в многообразии религиозных культур. Орёл, 2019. С.35–40.

личным. С чем это было связано? Следует сказать о женских психологических особенностях. Надежда Константиновна Крупская считала, что «у женщин всех классов эмоциональная сторона сильнее развита, чем у мужчины того же класса; они более впечатлительны, более легко поддаются настроениям. Их легче убедить, воздействуя на чувства, чем на их разум»¹⁴.

«Если зайти в церковь, если посмотреть, кто является главным посетителем церковных служб, крестных ходов и всевозможных религиозных церемоний, мы увидим, что женщины составляют огромное большинство посетителей. Так было прежде, и та же картина наблюдается теперь»¹⁵. Объяснить эту высокую степень религиозности можно, во-первых, наличием у женщин мифологического мышления, преобладающего над мужским, и это не смотря на хорошо развитую систему общественного атеистического воспитания в рассматриваемый период. Женщины очень сильно верят в мифологическую силу обрядов. В связи с этим, их отношение к религии было соответствующим: «По их мнению, посещение церкви помогает облегчать печали, переносить невзгоды». Женщины свято верили, что религия приносит счастье в семейную жизнь, делает брак крепче, а детей здоровее.

Во-вторых, речь идёт об эстетической стороне обрядов, которая подкупала верующих женщин. Так, Л.Д. Троцкий считал, что русские крестьянки посещали православную церковь как бытовой обряд, поскольку церкви не удалось «... связать свои догматы и каноны с внутренними переживаниями народных масс», и связь с церковью держится «преимущественно на женской привычке», так как именно женщины «держатся за иконы, светят куличи и красят яйца на Пасху». «И в церковь ходят вовсе не по причине религиозности: светло в церкви, нарядно, людно, хорошо поют - целый ряд общественно-эстетических приманок...»¹⁶.

В-третьих, отсутствие «культурного досуга» выступало катализатором сильной женской религиозности. Этот «женский недосуг», проявляющийся в постоянной загруженности по дому и отсутствии получения необходимого образования, посещения разного рода лекций делали женщину в сравнении с мужчиной менее свободной и образованной, зато более религиозной. А если и возникнут проблемы в семейной или трудовой жизни, то женщина обратится за помощью к Богу. И чем эти трудности тяжелее, «тем жарче молятся», – писала Н.К. Крупская.

¹⁴ Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.; Л., 1929.

¹⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О.А. Воронина. М., 2001. С. 225–234.

¹⁶ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и её задачи. М., 1923.

Таким образом, советская власть, взяв за основу поведенческую модель мужской религиозности и предприняв попытку наложить её на традиционное сознание женщины, на практике в процессе целенаправленной трансформации религиозных представлений уже «новой советской женщины», встретила целый ряд трудностей. Они были вызваны преобладающим отношением её к церкви, к религии и к Богу в сравнении с советским мужчиной, который ориентировался, в первую очередь, на общественно-полезную деятельность, при этом сводил к минимуму всякие попытки возвышения религиозного над рациональным.

Почему именно женщина оказалась на «передовой» большевистского строительства общества? Такое пристальное внимание к вопросу положения женщины в «новом государстве» можно объяснить одним, но очень важным фактором: фактором влияния. Оно исходит от матери к сыну, от жены к мужу и т. д. Многие партийные деятели того переломного времени, основываясь на реальном практическом проявлении, имея аргументированные положения, указывали на большой процент негативного влияния женщины, которое, очень часто, могло выступать катализатором нарушения партийной дисциплины, потому что «культурно отсталые родители коммунистов и их жены, насквозь пропитанные гнилым религиозным дурманом и старыми привычками рабства, ведут усиленную работу с коммунистами». Результатом этого становилось несоблюдение положения партийной программы о всемерном содействии освобождению масс от религиозных предрассудков и организации широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды¹⁷.

Чтобы в будущем «жены, насквозь пропитанные гнилым религиозным дурманом» своей религиозностью были не способны подорвать основы партийной дисциплины и оказывать сильное влияние на сознание мужчины, его поведение властные структуры должны были выработать эффективную стратегию, которая бы позволила пробудить сознание женщины, лишив её навсегда «снов о церкви». Это можно было сделать лишь при соблюдении важного условия: всеми способами, невзирая на общественные реакции, лишить женщину возможности быть отстраненной от происходящих в стране социальных и политических процессов. Это означало, что нужно вовлечь её в круговорот этого «большевистского безумного переустройства», сделать все возможное и даже больше, чтобы «новая женщина» чувствовала хотя бы в какой-то степени себя ответственной за все происходящие изменения. Зачем нужно женщине это чувство некой ответственности за все те социальные трансформации, которые пытается эффективно встроить в общественную модель советское государство?

¹⁷ Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972.

Самой женщине 20-х гг. XX в., по большей степени, это было не нужно. Её устраивали быт и то поведение, которое изначально диктовалось канонами церкви. В чём была необходимость за короткое время перенимать коды поведения мужчины и встраивать их в норму своего социального существования? Всё связано с тем, что женщина стала заложником социальных трансформаций нового государственного строя. Теперь это не просто женщина, которая регулярно ходит в церковь, воспитывает детей, имеет уважительно-подчинительное чувство к своему мужу, на основе неписаной нормы патриархального уклада. Теперь, это «новая советская женщина» – это идеологический образ, выступающий частью государственной политики, который полностью, без права выбора морального поведения, подчиняется одобренным советским государством нормам социального существования.

«Новая советская женщина» должна была отказаться от всякого рода свойств и качеств, которые определяли бы её гендерную принадлежность. Начинать нужно было с самого детства, запретив гендерно-ориентированные игрушки. «К чему искусственным образом культивировать у девочек ненужные коммунистическому строю способности домашних хозяек, суживающие их горизонты?»¹⁸. Теперь женщина «нового государства» всячески должна демонстрировать свою любовь к коммунизму, и, имея революционный дух, всегда быть готовой бороться за него. «Новая советская женщина» с безупречной честностью должна стремиться к знаниям, быть всегда активной, справедливой и желать стать частью любых перемен новой власти, потому что ее хорошо налаженная трудовая дисциплина не оставляет ни малейшего шанса отступить от «правильного» поведения.

Таких характеристик «новой женщины», её компонентов модели поведения в обществе, крайне много. Настолько много, что этот человек в «новом государстве» больше похож на абстрактный идеальный образ, оторванный от реальной жизни. То есть, образ «новой советской женщины» является иллюстрацией новой культуры, но не ею самой.

Неудивительно, что большое количество обложек женских журналов 1920-х гг. – это результат художественного мастерства автора, потому что проще было вообразить «новую советскую женщину» и умело красками «приписать» большую часть тех характеристик, которые к ней относились. Советский художник-живописец, монументалист А.А. Дейнека (1899–1969) сформулировал в подтверждение этого одну из важнейших характеристик изобразительного искусства первых десятилетий советской власти: «Невозможно сфотографировать то, чего нет, что только

¹⁸ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.

хотелось бы, чтобы было, но можно нарисовать и таким образом воплотить идею в жизнь». Это ещё раз свидетельствует о большой степени абстрактности образа «новой советской женщины»¹⁹.

В искусстве подтверждением вышеизложенного является наличие значительного количества коллажей как сочетания рисунков, фотографий и дорисовок, игравших большую идеологическую роль. Например, мотоциклы, шахматы и т. д. – это предметы, исключительно характеризующие мужские роли. Но постепенное вхождение этих и многих других «мужских» предметов в сферу интересов женщины, требует обращения к мастерству художника, а не к фотофиксации. Нечего было фиксировать, но можно было создать образ женщины с «мужскими» предметами, тем самым сблизив их с возможностью перенесения мужских кодов поведения и выполнения равных социальных ролей.

Работа советского государства в этом направлении постепенно показала свою эффективность. Женщины начали постепенно перенимать мужские коды поведения, которые составили впоследствии идеальный поведенческий образ «новой женщины». Яркий пример постепенной трансформации женского сознания можно найти, если обратиться, в частности, к воспоминаниям женщин тех лет. Вот мнение комсомольской активистки 1920-х годов по этому поводу: «Как мы не старались во всем походить на ребят, природа все равно брала своё... Когда мы остались без кавалеров (которые переметнулись к менее “равноправным” девушкам), то поняли, что можно быть эрудированной, волевой, спортивной, нельзя быть не женственной. Равенство между мужчиной и женщиной должно быть только в гражданских правах, но никак – в одежде и манерах»²⁰.

Личный социальный статус «новой женщины» менялся. Появлялись многочисленные частушки, в доступной форме проецирующие предписываемые черты статуса. «Обобществление» идеологии также можно отследить на плакатном материале. Характерным примером является плакат В.В. Хвостенко (1925 г.): «Я теперча не твоя / Я теперь Сенина / Он меня в совет водил / Слушать речи Ленина».

«Общество-коммунизм-государство» должны заменить «новой советской женщине» любовь к служению церкви. Что стало основной причиной изменения религиозности «новой женщины» и её отхода от патриархальных устоев? Ответ кроется в разного рода обычных житейских вопросах и проблемах, решать которые как раньше уже не была способна церковь. Вся её ранее удивительная и завораживающая обрядность уже не так привлекательна для женщины, когда она не может «отмолить коровушку в церкви и отпить святой водой». Женщина поняла, что церковь не в силах решить ее бытовые проблемы. Ходить в церковь и «правильно»

¹⁹ Дейнека А. Жизнь, искусство, время// Литературно-художественное наследие. Л., 1974. С. 119.

²⁰ Белова Т.П. Указ. соч. С. 100–107.

молиться стало не достаточно. Церковь не может вылечить больных детей. То есть, происходит «перекос» в сознании женщины в сторону той рациональной действительности, в которой она находится. Эта «религиозная неспособность» делает женщину сильнее и самостоятельнее в устремлениях, похожей на мужчину. Отказ от сильного влияния церкви нередко «будил» в женщине злость, которая приводила ее к стойкому желанию «порубить» большие и маленькие иконы пополам.

Для того чтобы быстрее освободить женщину «из лап религии», в работу с ними вступали антирелигиозные идеологи и агитаторы, которые «настоятельно рекомендовали» вместо службы в церкви провести коллективное чтение «нужной» литературы, или организовать очередное комсомольское собрание. Их главная задача сводилась к тому, чтобы всеми способами вовлечь женщину в общественную жизнь, чтобы её быт приобрёл новый вид. В первую очередь, он привлекал хорошо налаженными социальными благами и справедливостью. На этом фоне общественные столовые и прачечные, ясли стали основной ударной силой по подорвавшейся женской религиозности.

Чтобы появилась возможность выстроить «новый быт» женщины, нужно было избавиться совершенно от всех её прошлых религиозных привычек. Не так легко отказаться от церковных праздников, когда живешь, каждодневно ожидая их наступление. В массы стали внедряться «красные» праздники, как бы взамен «устаревшим» религиозным. В первые десятилетия советской власти культуртрегеры действовали осторожно, заменяя содержание «старых» праздников календарного и семейного цикла «новым». Так появились «комсомольское рождество», «комсомольская пасха», «октябрины» (вместо крещения), «красная свадьба», «красные похороны» и т. д.

Религиозные праздники, православные обряды в средствах массовой информации описывались как «устаревшие», не имеющие никакого смысла, манипулирующие массами, чаще всего именно женскими. В журнале «Безбожник» так описывался день Параскевы Пятницы, особо почитаемой женщинами святой: «Добровольные помощники попов безжалостным кулачным боем выколачивали из женщин-истеричек («кликуш») нечистую силу, доводя свои несчастные жертвы до обморока».

Действенным способом переориентации женского служения семье и церкви в сторону общества-коммунизма-государства становится благотворительная деятельность как акт женской духовной жизни. Как яркий пример такого переориентирования женского попечения о ближнем описана «быль», якобы имевшая место в селе Сенивцы Брисадировской волости Кременчугского уезда. Одна из прихожанок церкви, собрав всем миром деньги на ремонт храма, неожиданно сказала: «А знаете, бабоньки, что я задумала? Не завести ли нам в приют, дети там не очень хорошо живут. Нам на женском собрании говорили». Прихожанки храма

поддержали эту «здравую мысль», «забыв гнев батюшки». Рассказ заканчивался словами: «В этот вечер в детском доме был неожиданный праздник. Весело вернулись бабы домой. Недаром день прошёл»²¹.

Как следует из анализа источников и литературы 1920-е гг. стали временем формирования политико-идеологическими методами и серией социальных практик «новой советской женщины», временем кардинальной переориентации ценностей, которые сместились от преувеличенной степени религиозности, навязанной патриархальным укладом, в сторону решения «реальных проблем» реальными действенными способами. Возможность смещения фокуса «истинного» женского служения церкви произошло в рамках той социальной реальности, в которой она находилась. Женщина осознала: «вылечить сыпной тиф святой водой» нельзя, а помочь прийти к этому осознанию ей помогла антирелигиозная риторика и естественнонаучная пропаганда, заполнившая все информационные каналы. Образ «новой советской женщины» стремительно занял свое место в обновленном обществе, где первостепенным было служение государству, коммунизму и людям. Новая власть в 1920-х гг. провела колоссальную работу по перестройки женского сознания, которая привела её к сближению с мужскими образцами поведения. На кону стояла семейная мораль, религиозность, самоидентификация. Советская идеология разорвала веками складывавшиеся «социальные и духовные наполнители» жизни женщины.

Список литературы:

1. Белова Т.П. Женское православное общественное движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 100–107.
2. Васеха М.В. Антирелигиозная работа с женщинами в 1920-е годы и процессы феминизации Русской православной церкви (на сибирских материалах) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33).
3. Дейнека А. Жизнь, искусство, время // Литературно-художественное наследие. Л., 1974.
4. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972.
5. Здравомыслова Е., Темкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О. А. Воронина. М.: МЦГИ, 2001. С. 225–234.

²¹ Киселёва Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. М., 1995.

6. *Ипатов Л.* Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мешеркина. М.: Невский простор, 2004. С. 153–189.
7. *Киселёва Т.Г.* Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. М.: МГУК, 1995.
8. *Кныш А.Р.* Роль пропаганды в формировании образа новой женщины в 1920-1930-е годы в России // Студенческий электронный журнал СтРИЖ.2022. № 3(44).
9. *Козлов Ф.Н.* «Женский вопрос» как элемент социальной политики советского государства в 1920-е – первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 29–37.
10. Коллонтай А.М. // Рабочий суд. 1926. № 5.
11. *Краснова А.Г.* Понятие религиозности: религиоведение vs религиозная философия // «Образ» религии: религиозное образование в многообразии религиозных культур. Орёл, 2019. С. 35–40.
12. *Крупская Н.К.* Антирелигиозная пропаганда. М.; Л., 1929. – 68 с.
13. *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
14. *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
15. *Смагина С.А.* «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. 2019. С. 257–266.
16. *Сталь Л.Н.* Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.; Л., 1926.
17. *Троцкий Л.* Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. – 115 с.
18. *Юкина И.И.* Проблемы становления российской истории женщин // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.

Об авторе:

ЕРМОЧЕНКО Константин Павлович – аспирант, Смоленский государственный университет, (214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, 4), ermochenko.konstantin@gmail.com, orcid.org/0009-0004-1150-4287

Religiosity of the «New Soviet Woman» in the 1920s: Practices and Mechanism of Regulation

К.П. Ermochenko

Smolensk State University, *Smolensk, Russia*

Soviet Russia can rightfully be considered one of the first countries in the European world that was able to give women the voting rights. It officially proclaimed gender equality. It was necessary to get rid of the strong influence of the obligatory and unchangeable truth approved by the church in order to solve the tasks set by the Bolshevik state in the 1920s to renew society, one of the main ideas of which was the concept of a «new man». The new leadership of the Soviet state focused the close attention on the religiosity of women in the country, as one of the most church-influenced categories of the population. It set the task of irrevocably transforming women's religious consciousness towards social principles. This article presents an analysis of the stages and forms of changes in the women's religiosity in the Soviet state in the 1920s, identifies the main mechanisms and regulators that influenced the religious state of a woman who was forced to become a «new Soviet woman». The author tried to identify a way to transfer the male traditionally stereotypical behavioral model with the priority of the public good, labor indicators and collectivism to the female consciousness.

Keywords: *Soviet State, woman, «New Soviet woman», the church, religion, religiosity, anti-religious propaganda.*

About author:

ERMOCHENKO Konstantin Pavlovich – the Post-Graduate Student, Smolensk State University, (214000, Russian Federation Smolensk, Przheval'skogo st., 4) ermochenko.konstantin@gmail.com, orcid.org/0009-0004-1150-4287

References:

- Belova T.P., *Zhenskoye pravoslavnoye obshchestvennoye dvizheniye v sovremennoy Rossii, Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2011, № 2, S. 100–107.
- Vasekha M.V., *Antireligioznaya rabota s zhenshchinami v 1920-e gody i protsessy feminizatsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi (na sibirskikh materialakh)*, Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy, 2021, № 3(33).
- Deyneka A., *Zhizn. iskusstvo. Vremya*, Literaturno-khudozhestvennoye naslediyе, L., 1974.

- Denisov P.V., *Religiya i ateizm chuvashskogo naroda*, Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo, 1972.
- Zdravomyslova E., Temkina A., *Issledovaniya zhenshchin i gendernyye issledovaniya na Zapade i v Rossii*, Khrestomatiya k kursu «Osnovy gendernykh issledovaniy», otv. red. O. A. Voronina, M., MTsGI, 2001, S. 225–234.
- Ipatova L., *Pravoslavnyye zhenshchiny: puti votserkovleniya*, Ustnaya istoriya i biografiya: zhenskiy vzglyad, red. i sost. E.Yu. Meshcherkina, M., Nevskiy proctor, 2004, S. 153–189.
- Kiseleva T.G., *Zhenshchina i semia v posleoktyabrskiy period: Opyt istoricheskogo analiza*, M., MGUK, 1995.
- Knysh A.R., *Rol propagandy v formirovanii obraza novoy zhenshchiny v 1920–1930-e gody v Rossii*, Studencheskiy elektronnyy zhurnal StRIZh, 2022, № 3(44).
- Kozlov F.N., «Zhenskiy vopros» kak element sotsialnoy politiki sovetskogo gosudarstva v 1920-e – pervoy polovine 1930-kh godov (v kontekste gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v natsionalnykh regionakh Srednego Povolzhia), *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, № 4, S. 29–37.
- Krasnova A.G., *Ponyatiye religioznosti: religiovedeniye vs religioznaya filosofiya*, «Obraz» religii: religioznoye obrazovaniye v mnogoobrazii religioznykh kultur, Orel, 2019., S. 35–40.
- Krupskaya N.K. *Antireligioznaya propaganda*, M., L., 1929. – 68 s.
- Salnikova A.A., *Rossiyskoye detstvo v XX veke: Istoriya. teoriya i praktika issledovaniya*, Kazan, 2007.
- Smagina S.A., «Novaya zhenshchina» v sovetskom kinematografe 1920-kh gg. kak fenomen, *Vestnik slavyanskikh kultur*, 2019, S. 257–266.
- Stal L.N., *Antireligioznaya rabota sredi zhenshchin*. Sbornik. M., L., 1926.
- Trotsky L., *Voprosy byta. Epokha «kulturnichestva» i eye zadachi*, M., Krasnaya nov, 1923. – 115 s.
- Yukina I.I., *Problemy stanovleniya rossiyskoy istorii zhenshchin*, Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost byt uvidennymi, Minsk, 2001.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.